

Глава 4

В деревне жили бедно. Мясо ели только по праздникам, да и то не до отвала.

Цзян Сяои полгода назад в последний раз ел мясо — на свадьбе у соседей, семьи Цянь. Он помогал по хозяйству и ему перепало два куска жирной свинины.

Сегодня утром он, спеша в горы, даже не позавтракал, так как дома не осталось зерна. Пройдя два холма с пустым желудком, он давно уже чувствовал голод. Раньше в таких случаях у него не было сил ни на что, но сейчас он был полон энергии, словно мог свернуть горы. Нож в его руках летал.

Цзян Сяосань подбросил в печь три полена. Увидев, что над водой поднимается пар, он снова, прижимая к себе Бай Цзыму и размахивая соплями, выбежал во двор.

— Брат, брат, вода нагрелась!

— Нужно, чтобы закипела, — не поднимая головы, ответил Цзян Сяои.

Без кипятка шерсть не ошпарить. Цзян Сяосань сказал «о» и послушно присел на корточки, наблюдая, как брат точит нож.

Он молчал. В пустом дворе было тихо, и скрежет ножа о точильный камень казался особенно пронзительным.

Бай Цзыму крепко спал, но во сне ему вдруг стало холодно в шее.

Словно должно было случиться что-то ужасное.

Его шестое чувство никогда его не подводило.

Однажды, когда он служил в Сирии, таская снаряды, он вдруг почувствовал такой же холодок и инстинктивно сдвинулся с места. В ту же секунду на то место, где он только что стоял, упала пуля.

Он тогда покрылся холодным потом, мозг чуть не отключился. Если бы не это движение, у него было бы две дырки в заднице.

В Сирии хоть и платили хорошо, но было слишком опасно. Поэтому он вернулся на родину.

Сейчас он чувствовал то же самое. Если он продолжит спать, то может и не проснуться.

Он приоткрыл глаза и увидел яркий отблеск. Прямо перед ним сверкал огромный нож.

Бай Цзыму замер.

Что происходит?

Он что, не умер?

Цзян Сяои поднял нож и осмотрел его. Свежезаточенное лезвие ярко блестело. Он провёл по нему большим пальцем. Вроде готово. Теперь можно не только медведя, но и быка завалить. Цзян Сяосань снова шмыгнул носом и, подпрыгивая от нетерпения, радостно воскликнул:

— Брат, нож наточен? Давай убьём мишку и съедим мяско!

Бай Цзыму не верил своим ушам.

Что за кровожадные речи?

Вы только послушайте, что говорит этот ребёнок!

Он поднял голову и увидел, что его держит маленький мальчик, с виду простодушный, лет четырёх-пяти. Но именно этот ребёнок произнёс такие чудовищные слова.

Вот я тебе сейчас как дам!

Эх, не могу пошевелиться.

Бай Цзыму посмотрел вниз и увидел, что он связан по рукам и ногам.

...

Ну вот, приехали.

...

Вода в котле быстро закипела и теперь бурлила. Цзян Сяои набрал ведро и хотел отнести его во двор. Там было просторнее, и убирать после ошпаривания туши будет легче.

Медвежонок весил около десяти цзиней. За один раз всё не съесть. Остатки можно будет

повесить над очагом, закоптить и потом продать вместе с древесными грибами.

Только он собрался выйти, как его снова окликнул Цзян Сяосань.

— Брат, брат, мишка двигается! Он хочет убежать, скорее сюда!

Цзян Сяои уже мысленно подсчитывал, как он будет продавать копчёное мясо. Как он мог упустить такую добычу? Он бросил ведро и в три шага подскочил к брату.

Бай Цзыму изо всех сил извивался в руках Цзян Сяосаня. Тот, в свою очередь, напряг все свои детские силёнки, чтобы удержать его, и его лицо покраснело от натуги. Цзян Сяои, увидев, что связанный медведь не успокаивается и даже лягает его брата, тут же шлёпнул его пару раз.

Бай Цзыму почувствовал, как у него горит задница, и тут же замер.

Эти двое не играют по правилам, нападают вдвоём на одного. Лучше быть умнее и не лезть на рожон. Иначе убьют.

Этот план не сработал, нужно пробовать другой.

— Я сначала его заколю, — сказал Цзян Сяои, поднимая нож. — Сяосань, держи его за лапы.

Цзян Сяосань тут же шмыгнул носом и громко ответил:

— Хорошо, Сяосань поможет!

Цзян Сяои, вспоминая, как это делали деревенские мясники, занёс нож, чтобы перерезать Бай Цзыму горло. Но не успел он нанести удар, как увидел, что медведь вдруг поднял голову, его чёрные, блестящие глаза были полны слёз, и он начал кланяться, словно моля о пощаде.

Цзян Сяои замер.

Этот зверёк, даже когда не спал, был невероятно милым, пушистым комочком. А теперь, когда он открыл глаза, стал ещё милее.

Цзян Сяои был всё-таки гэ'эром, и его сердце на мгновение дрогнуло.

Но...

Мясо важнее.

Ничто не остановит его на пути к мясу.

Бай Цзыму увидел, что нож снова приближается, и понял, что у этого парня жестокое сердце. Он уже использовал свой козырь, а тот всё равно хочет его съесть. Сердце у него, наверное, из нержавеющей стали.

Сначала его ударила молния, и он едва выжил, но, выбравшись из одной передрыги, тут же попал в другую. Теперь его эликсирное ядро повреждено, магии нет, он не имеет сил даже курицу связать. Что делать?

Неужели его и правда ждёт сковородка?

За что ему такая участь?

К тому же, рука у этого парня так сильно дрожит. Как бы он его не зарезал насмерть с первого раза, а только замучил.

Бай Цзыму от страха так перепугался, что вся шерсть у него встала дыбом, а сердце заколотилось как бешеное.

Цзян Сяои одной рукой схватил Бай Цзыму за шею, а другой занёс нож для удара, как вдруг снаружи раздался крик.

— Брат, я вернулся.

Во двор вошёл Цзян Даню, неся на руках Цзян Сяоэра. В руках у Сяоэра была небольшая корзинка с нитками и иглками.

Он был слаб здоровьем и не мог, как Цзян Сяосань, бегать где попало. Обычно он сидел дома или ходил к двоюродной бабушке, чтобы учиться шить.

Это было занятие для девушек и гэ'эров, и для мальчика это было немного «неприлично», могло вызвать насмешки. Его двоюродная бабушка сначала не хотела его учить, но потом подумала, что отец Цзян — мужчина и в шитье ничего не смыслит. А Цзян Сяои... ждать от него, что он что-то зашьёт, — всё равно что ждать, когда свинья на дерево залезет.

Цзян Сяоэр был слаб и не мог выполнять тяжёлую работу, но мог хотя бы чинить одежду для семьи, делать что-то посильное. Это было хорошо.

Цзян Сяоэр учился с усердием. За год он научился неплохо владеть иглой и несколько раз чинил одежду для семьи, хотя получалось не всегда лучше, чем было. Но выглядело всё очень профессионально.

Сегодня на обратном пути он встретил своего двоюродного брата Цзян Даню. Даню, увидев, как тот, маленький и низкорослый, плетётся как улитка, настолько медленно, что даже дерьмо успело бы остыть, и как его обгоняет даже хромой старик с палкой, подхватил его на руки и принёс домой, заодно передав деньги.

Отец Цзян сегодня работал в соседней деревне у семьи Ли, помогал обмолачивать кукурузу.

Семья Ли была зажиточной, у них было больше тридцати му земли, и во время сбора урожая они всегда нанимали работников. Обмолачивать кукурузу — работа непыльная, ногами двигать не надо, только руками. Отец Цзян взялся за неё. Платили десять вэней в день. Хоть и немного, но всё же доход.

Сегодня, увидев, что рисовый ларь опустел, отец Цзян попросил у старика Ли аванс. Старик Ли знал о положении семьи Цзян и согласился. Как раз в это время в деревню Люцзян шёл Цзян Даню, и отец Цзян попросил его передать деньги.

Сорок вэней — не так уж много, но на них можно было купить больше десяти цзиней необработанного риса. Если экономить, хватит на месяц.

Цзян Сяои, увидев деньги, обрадовался. Цзян Даню, глядя, как тот, отложив нож, счастливо пересчитывает монеты, смеясь как сумасшедший, только покачал головой и протянул ему небольшой кусок вяленого мяса.

Цзян Сяои моргнул, почувствовав запах мяса, и сглотнул слюну.

— Откуда вяленое мясо?

— Сегодня ходил к родителям твоей невестки, — сказал Цзян Даню. — Тесть дал.

— Тогда я не могу взять, — покачал головой Цзян Сяои.

Дед Цзян Даню и дед Цзян Сяои были родными братьями. У деда Цзян Даню было два сына и дочь. А у деда Цзян Сяои — только один сын, отец Цзян Сяои. Цзян Даню был сыном старшего дяди. Поскольку два брата ещё не разделили хозяйство, в деревне семью Цзян Даню называли старшей ветвью, а семью Цзян Сяои — второй.

Хотя в старшей ветви было больше людей, они были ненамного богаче второй. Если семья Цзян Сяои ела одну миску овощей, то старшая ветвь — две.

Жена Цзян Даню была женщиной суровой. Её отец был охотником. Сама она была крупной и сильной, с крутым нравом. Хотя она вышла замуж всего два месяца назад, уже успела подраться с двумя деревенскими бабами. Цзян Сяои боялся брать мясо, опасаясь, что невестка устроит скандал.

— Бери, — не убирал руку Цзян Даню. — У меня ещё есть. Тесть дал два куска.

Цзян Сяои не смог отказаться и взял мясо. Цзян Даню улыбнулся и сказал:

— Я слышал от тётушки Лю, что ты нашёл на горе медвежонка. Где он? Покажи, я ещё ни разу медведя не видел.

Не успел Цзян Сяои ответить, как Цзян Сяосань, подняв руку, закричал:

— Здесь, здесь!

Бай Цзыму, смирившийся с судьбой, лежал под ним.

Цзян Даню и Цзян Сяоэр подошли поближе и ахнули.

— Ого, какой милый!

Цзян Сяоэру он сразу очень понравился. Он, не боясь, протянул руку и погладил его. Погладив несколько раз и увидев, что Бай Цзыму не сопротивляется, а лежит смиренно, позволяя себя гладить, он окончательно растаял. Увидев, что Цзян Сяои, отложив мясо, снова берётся за нож, он испугался и, обняв ногу брата, взмолился:

— Мишка такой милый, давай не будем его убивать?

Цзян Сяои больше всего на свете любил своих младших братьев и заколебался.

Цзян Даню тоже вмешался:

— Раз Сяоэру нравится, оставь его на несколько дней поиграть. Он маленький, кусаться не должен.

Бай Цзыму бросил на него благодарный взгляд.

Вот это человек, умеет говорить...

— Я спрошу у твоей невестки, как правильно сдирать шкуру, — продолжил Цзян Даню. — Я смотрю, шерсть у этого медвежонка хорошая. Хоть он и маленький, но если аккуратно снять шкуру, можно будет продать в городе.

Бай Цзыму замер.

Я тебе сейчас сниму шкуру с задницы.

Говоришь, так продолжай говорить.

Цзян Сяои и так не очень-то хотел его убивать, а после слов Цзян Даню и вовсе передумал.

Ну ладно, пусть поживёт несколько дней.

Всё равно сегодня есть мясо.

Бай Цзыму, услышав, что тот отложил нож, облегчённо вздохнул.

<http://bllate.org/book/13701/1581231>